

ЯКОВ СОЛОМОНОВИЧ ЛУРЬЕ И ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Яков Соломонович Лурье, как любой другой крупный ученый, был связан в своем творчестве с определенной традицией, которой следовал и которую развивал и обогащал.

Он родился в семье одного из известнейших отечественных ученых-античников Соломона Яковлевича Лурье.¹ Влиянием отца в значительной мере определился для Я. С. выбор профессии. Я. С. учился в Ленинградском университете в то время, когда, по его собственным воспоминаниям, «в научной жизни исторического факультета» сказывалось расхождение «между “бытием” и “сознанием” 30-х годов». Следствием этого была «пестрота преподавательского состава». Главные фигуры, разрабатывавшие в ГАИМКЕ и близких к нему учреждениях основные теоретические принципы, ставшие «незыблемой основой (советской. — В. П.) исторической науки ... были уничтожены в 1936 г.», но «в число профессоров истфака попали гаимковские “спецы”, попутчики» и более молодые — «бывшие аспиранты ГАИМКа», рядом с которыми «появились люди совсем иного круга» — «те, которых недавно именовали “буржуазными историками”», в том числе «медиевисты И. М. Гревс ... и О. А. Добиаш-Рождественская, русские историки С. Н. Валк и Н. Ф. Лавров, пережившие бури предшествующих лет в Историко-археографической комиссии (потом — институте)», вернувшиеся из ссылки Е. В. Тарле и М. Д. Приселков. Странная возможность «существования истфаковских Афин среди воплощенного в жизнь Апокалипсиса определялась ... тем, что некий *modus vivendi* сохранялся не только в составе профессоров, но и в самой науке»: «Рамки были установлены, но само их существование ограничивало дальнейшие опыты чистого теоретизирования, и открывалась возможность занятий конкретными вопросами».²

---

¹ Об отце Я. С. написал книгу и опубликовал ее под псевдонимом в Париже на русском языке: *Копржива-Лурье Б. Я. История одной жизни*. Paris, 1987.

² *Копржива-Лурье Б. Я. Указ. соч.* С. 162–163.

Именно в этой обстановке и происходило формирование Я. С. как профессионала-историка. Сам он считал себя учеником знаменитого историка и источниковеда М. Д. Приселкова, безвременно скончавшегося в 1941, незадолго до окончания Я. С. исторического факультета Ленинградского университета. Его заветам Я. С. был неизменно верен, много сделал для увековечения памяти своего учителя, написал ряд статей о нем,¹ руководил работой по переизданию последней книги М. Д. Приселкова, являясь ее ответственным редактором, автором предисловия и примечаний,² был инициатором и участником издания Радзивилловской летописи, подготовку которой начал и значительно продвинул М. Д. Приселков,³ чьи материалы сохранились в его личном фонде.

Профессиональное становление Я. С. как специалиста по русскому летописанию происходило и под мощным влиянием трудов А. А. Шахматова, который коренным образом реформировал летописное источниковедение. Его наследию Я. С. посвятил ряд работ,⁴ неизменно отстаивая научные принципы анализа летописей, разработанные А. А. Шахматовым.⁵

Все они — и М. Д. Приселков, и А. А. Шахматов (в той его ипостаси, которая относилась к летописному источниковедению), и другие ученые, у которых посчастливилось учиться Я. С., и С. Я. Лурье, — принадлежали к одному научному направлению — знаменитой петербургской исторической школе.

¹ Лурье Я. С. Михаил Дмитриевич Приселков — источниковед // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 464—475; *Он же*. М. Д. Приселков // Советская историческая энциклопедия. М., 1968. Т. 11. Стб. 572; *Он же*. 50 лет книге «История русского летописания XI—XV вв.» М. Д. Приселкова // Памятные книжные даты. М., 1990. С. 59—62; *Он же*. Михаил Дмитриевич Приселков и вопросы русского летописания // Отечественная история. 1995. № 1. С. 146—159.

² Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Изд. 2-е. СПб., 1996.

³ ПСРЛ. Л., 1989. Т. 38.: Радзивилловская летопись / Предисловие Я. С. Лурье, редакционная коллегия: М. П. Ирошников, М. В. Кукушкина, Я. С. Лурье. Издание подготовлено М. Д. Приселковым, О. П. Лихачевой, Р. М. Мавродиной и Е. К. Пиотровской.

⁴ Лурье Я. С. О шахматовской методике исследования летописных сводов // Источниковедение отечественной истории: 1975 год. М., 1976. С. 97—107; *Он же*. Схема истории летописания А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова и задачи дальнейшего исследования летописей // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 185—195.

⁵ Лурье Я. С. О возможности и необходимости при исследовании летописей // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 13—36; Лихачев Д. С., Янин В. Л., Лурье Я. С. Подлинные и мнимые вопросы методологии изучения летописей // Вопросы истории. 1973. № 8. С. 194—203.

Она формировалась на протяжении XIX – начала XX в. Наиболее полного воплощения и вершинных достижений петербургская историческая школа достигла в дореволюционные десятилетия. На этот период приходится расцвет научного творчества таких крупнейших ученых, специализировавшихся в области истории России, какими были С. Ф. Платонов, А. С. Лаппо-Данилевский, А. А. Шахматов, М. П. Павлов-Сильванский, А. Е. Пресняков и многие другие.¹

Именно А. Е. Пресняков сформулировал основные принципы этой школы и указал на ее отличие от других научных исторических школ.²

Все эти принципы, которыми руководствовались в своей работе представители петербургской исторической школы, стали методологической основой научного творчества Я. С., сумевшего не только подготовить много трудов, ставших образцами их практического применения, но и продолжить начатый его предшественниками анализ теоретического базиса этой методологии.

Если А. Е. Пресняков, направляя свои критические стрелы против «юридической школы», имел в виду прежде всего С. М. Соловьева и В. О. Ключевского как ее выдающихся представителей, то Я. С. показал, что С. М. Соловьев в своих взглядах на внутреннюю критику источника во многом находился под влиянием «скептической школы», в частности М. Т. Каченовского (а также Н. И. Надеждина), чей скептицизм, «смущавший носителей николаевской реакции, был по существу весьма ограниченным», поскольку достоверность свидетельств у него определялась всего только в их сопоставлении «с некоей общей, установленной а priori системой исторического развития», определявшейся «характером времени», «историческим ходом происшествий», «духом времени» и «внутренними условиями жизни», из которых, по Н. И. Надеждину, даже допустимо «выводить не только “отрицательную”, но и “положительную” возможность факта, ... “хотя бы он опирался на предания, не удовлетворяющие требованиям нынешней внешней критики”». Такой априорный подход к критике источников, отмечал Я. С., «легко может завести историка в порочный круг, когда исследователь заранее устанавливает некую сис-

¹ Подробно об истории формирования петербургской исторической школы в Петербургском университете см.: Валк С. Н. Историческая наука в Петербургском университете за 125 лет // Труды юбилейной сессии Ленинградского государственного университета: Секция исторических наук. Л., 1948. С. 3–79.

² Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства в XIII–XV столетий. Пг., 1918. С. 25–26; Он же. Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великорусского государства». Пг., 1920. С. 5–6.

тему представлений, соответствующих “ходу народной жизни” или “духу времени”, а затем отыскивает соответствующие факты в источниках (хотя бы “мутных”), отвергая остальные как противоречащие этому “духу”.¹

Вслед за А. Е. Пресняковым не отвергая значения социологических и исторических предпосылок изучения источника, Я. С. указывал на их строгие границы: «Философские и общечеловеческие предпосылки указывают на возможность и вероятность тех или иных фактов, определяющих направление источниковедческих разысканий». ² Поэтому «исследование источника должно предшествовать выделению из него “вероятных” и “невероятных” известий». Даже если одно из известий в источнике, «чья достоверность внушает сомнения», «совпадает с косвенными показаниями других источников», более того — «правдоподобно», это, как показал Я. С., не дает веских оснований для пересмотра отношения к источнику в целом, так как «“правдоподобие” — опасная категория; совпадение между показаниями источника и “общей постановкой” может быть случайным». ³ Соотношение между теоретическими построениями и эмпирическим материалом в исторических исследованиях рассматривалось Я. С. и в связи с имевшими место попытками устанавливать факты и выводить концепции путем применения дедуктивного метода. Наиболее заметным современным адептом этого метода был Л. Н. Гумилев, чьи труды, построенные на основе преимущественного использования дедукции, получили широкое распространение и породили большое число последователей, введенных в заблуждение легкостью, с какой автор разрешал труднейшие проблемы исторической и этнографической наук. Именно это обстоятельство подтолкнуло Я. С. к выступлению не в профессиональном, а литературно-художественном журнале с критикой его трудов. На примере истории Древней Руси Я. С. вскрыл сущность примененной Л. Н. Гумилевым методики и пришел к выводу о венаучном характере его аргументации и выводов. ⁴

Я. С. показал, что приоритет дедукции над индукцией в процессе установления фактов возвращает историческую науку к тем методам, от которых отказалась петербургская историческая школа, порвавшая с всеподавляющим приоритетом теории и априорных схем.

¹ Лурье Я. С. О некоторых принципах критики источников // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. М., 1973. Вып. 1. С. 79–80.

² Лурье Я. С. Критика источника и вероятность известия // Культура Киевской Руси. М., 1966. С. 123.

³ Лурье Я. С. Критика источника и вероятность известия // Там же. С. 125.

⁴ Лурье Я. С. Древняя Русь в сочинениях Л. Н. Гумилева // Звезда. 1994. № 10. С. 167–177.

Я. С. беспокоила та оппозиция, которая «не раз высказывалась в теории» «такому обременительному методу» и еще чаще проявлялась в «практике работы над источником». ¹ Облегчающий выход был найден в прямом, без промежуточных исследовательских процедур, переходе «от отдельных известий ... к заключению о вероятности факта», не принимающем во внимание подозрительность, недостоверность или позднейшее происхождение источника в целом при отбрасывании из него только того, «что противоречит естествознанию и логике», и оставлении всего остального. Такое «короткое замыкание», ² как определил этот способ аргументации Я. С., в трудах современных исследователей встречается не так уж редко и превратилось в печальную историографическую традицию. ³ Я. С. в этой связи обратил внимание на термин «потребительское отношение к источникам», характеризующий данную тенденцию и употреблявшийся в 1920–1930-х гг. в среде представителей петербургской исторической школы, в том числе М. Д. Приселковым. ⁴ В печати же впервые он был применен С. Н. Черновым в отношении методов работы Б. Д. Грекова во время обсуждения его доклада «Рабство и феодализм в Киевской Руси». ⁵ Я. С. в своей статье «Критика источника и вероятность известия» ⁶ сослался на выступление С. Н. Чернова и впоследствии многократно оперировал им, анализируя и критикуя работы своих предшественников и современников.

Одна из труднейших задач источниковедения — анализ сомнительного источника (остро тенденциозного, либо относительно позднего) с целью выявления «заслуживающих доверия известий». ⁷ Я. С. считал, что «определенная информация может быть извлечена из любого, даже и из крайне тенденциозного источника». Один «из возможных путей частичного» его «использования», на который указал Я. С., известен еще по исследованию А. Е. Преснякова «Образование Великорусского государства в XIII–XV столетий» — выявление «разновременных слоев внутри дошедших до нас памятников». При этом Я. С. особо отметил, что важность «текстологического исследования памятника для его привлечения в качестве источника ... не означает, что текстология может заме-

---

¹ Там же. С. 82.

² Там же. С. 91.

³ Там же. С. 89.

⁴ Лурье Я. С. Предисловие // Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. С. 29, 259

⁵ Известия ГАИМК. 1934. Вып. 86. С. 111–112.

⁶ Лурье Я. С. Критика источника и вероятность известия. С. 122.

⁷ Лурье Я. С. О некоторых принципах критики источников. С. 92.

нить критику источника».¹ Напротив, предостерегал Я. С., историк, желающий вопреки установленному факту недоброкачества источника, выразившемуся, в частности, в его позднем происхождении, «привлечь то или иное известие такого источника, *обязан доказать... почему...* поздний собиратель преданий сообщил подлинный факт».²

Другой путь предложил сам Я. С., опиравшийся на собственный опыт исследования тех «общественных движений», которые «были направлены против господствующей феодально-религиозной идеологии». Проанализировав средневековые памятники, сообщавшие об осуждении людей за «религиозные преступления», Я. С. решительно отверг подход к ним «с точки зрения ... индивидуальной вероятности» сведений, содержащихся в них, отбрасывающий или реалистически переосмысляющий различного рода чудеса «со ссылками на галлюцинации, нервное расстройство свидетелей и подсудимых и т. д.». Общий принцип «критики тенденциозных источников», созданных «в обстановке нетерпимости и неравенства сторон», сводится, согласно выводу Я. С., к определению «основной тенденции источника и сопоставлению его конкретных показаний с этой тенденцией». Исследователь в этом случае «не вправе извлекать из него то, что непосредственно отражает основную тенденцию... а должен искать такие случаи, когда источник *проговаривается* — говорит нечто такое, что необязательно или даже прямо излишне с точки зрения его тенденции».³ Впрочем, отметил Я. С., «обвинительные источники *могли* иногда сообщить правду об осужденных, но столь же свободно *могли* приписывать им любые фантастические деяния».⁴

И здесь возникает проблема, которой представители петербургской исторической школы всегда придавали исключительное значение, — роль гипотез и условия их применения. М. Д. Приселков, характеризуя методiku летописного источниковедения А. А. Шахматова, писал, что ему «приходилось прибегать, так сказать, к методу больших скобок, каким пользуются при решении сложного алгебраического выражения, чтобы потом, позднее, приступить к раскрытию этих скобок, т. е. к уточнению анализа текста». Естественным следствием этого стала гипотетичность ряда построений А. А. Шахматова, «почему дальнейшее изучение внесет в добытые Шахматовым результаты немало поправок и уточнений, подобных тем,

¹ Там же. С. 93.

² Там же. С. 98 (здесь и далее в цитатах курсив Я. С.).

³ Там же. С. 93–94.

⁴ Там же. С. 95.

которые вносил сам исследователь». «Гипотеза, — пишет далее М. Д. Приселков, — имеет ценность в связи с тем, захватывает ли она своим объяснением все подлежащие ей материалы или же только часть материалов».¹

Я. С. в развитие этих положений посвятил проблеме гипотез и догадок в источниковедении специальную статью. Он исходил из вероятностного характера многих данных, которыми располагают исторические науки, что «делает особенно настоятельной необходимостью четкого разграничения *прямых* показаний источников, *гипотез*, дающих наиболее убедительные обоснования используемым показаниям, и, наконец, простых *догадок*». Гипотезу Я. С. определил как «такое предположение, которое должно объяснить определенную, объективно существующую совокупность явлений (в исторической науке — данных источника)». Поэтому «существует понятие *необходимости* гипотезы и условия ее научного доказательства». Необходимость гипотезы «вытекает из совокупности эмпирических наблюдений, существующих реально и требующих объяснения». Именно поэтому, отвергая какую-либо гипотезу, «историк не может ограничиться простым ее отрицанием и обязан предложить альтернативную гипотезу, которая объяснила бы соответствующие явления лучше или, по крайней мере, не хуже, чем отвергаемая гипотеза».² Я. С. указал и на определенные логические условия состоятельности источниковедческой гипотезы. Она не только «должна находиться в полном соответствии с фактическим материалом и охватывать своим объяснением весь этот материал», но и «удовлетворять условию максимальной простоты, ограничиваясь необходимыми логическими звеньями и не вводя излишних».³

Правда, отметил Я. С., исследователь «постоянно имеет дело со случаями, когда для истолкования определенных показаний источника можно предложить несколько гипотез», и не всегда он способен решить, какая из них наиболее вероятна, «но во всех случаях они основываются на необходимости объяснить показания источника».⁴

Исследователь имеет дело, помимо одиночных или альтернативных гипотез, «с системами гипотез, связанных между собой». Убедительность таких «гипотетических систем зависит не только от убедительности обобщающей гипотезы, связывающей отдельные элемен-

---

¹ Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. С. 45.

² Лурье Я. С. О гипотезах и догадках в источниковедении // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. 1976. М., 1977. С. 29.

³ Там же. С. 31.

⁴ Лурье Я. С. Логические основы критики источника. С. 39.

ты, но и от степени доказательности каждого из звеньев системы», в частности «убедительности исходной гипотезы и тех эмпирических данных, которые положены в ее основу».¹

По-другому оценивает Я. С. догадку. Отметив, что в логике догадкой «именуется любое, ничем не ограниченное, предположение о факте, который мог происходить», он обратил внимание на редкую, в виде исключения, возможность в исторической науке модификации догадки в гипотезу посредством эмпирической проверки. Поэтому догадки и гипотезы «существуют здесь независимо друг от друга». Догадка при этом обычно не является результатом произвола исследователя, а возникает ввиду «какой-то научной потребности», определяемой тем, что источники «дают ответы не на все вопросы, возникающие у исследователя», и естественным желанием «заполнить эти пробелы предположением о том, что *могло* происходить». Следовательно, «догадка возникает в значительной мере из недостатка данных по какому-либо вопросу». В отличие от гипотезы, которая «строится на необходимости (хотя и неоднозначной)», основой догадки является только возможность. Поэтому если для опровержения гипотезы требуется «альтернативное объяснение соответствующей совокупности явлений», то «для отказа от догадки достаточно простого указания на отсутствие данных по поставленному вопросу».²

Но отсюда отнюдь не следует, развивает свою мысль Я. С. далее, что «догадка представляет собой явление, совершенно недопустимое в исторической науке». Догадка нередко дополняет «гипотезу или систему гипотез» предположением «о том, каким *мог* быть гипотетический памятник или могли происходить реконструируемые события». Догадка становится именно завершающим, но при этом отнюдь не обязательным этапом исследования, которому предшествует система эмпирических наблюдений, вслед за тем связывающие такие наблюдения гипотезы, почему «отказ от заключительных догадок ... не ставит под сомнение систему в целом».³ При этом, предостерегает Я. С., следует ясно различать «гипотетические системы, основанные на доказываемых гипотезах», от таких систем, которые представляют собой «простое сочетание догадок».⁴

На примере научного творчества Я. С. можно сделать важный вывод об универсальности принципов петербургской исторической школы в

¹ Лурье Я. С. О гипотезах и догадках в источниковедении. С. 36–37.

² Там же. С. 32–33.

³ Там же. С. 35–36.

⁴ Там же. С. 39.

том смысле, что они автономны и почти независимы от философских теорий, если такие теории не претендуют на окончательную завершенность и абсолютную истину. Наибольшие успехи петербургской исторической школы относятся, как известно, к концу XIX — началу XX в., когда преобладающую роль играла позитивистская философия. Я. С. же считал себя материалистом и марксистом и действительно был им. Он не сомневался в том, что исторический процесс детерминирован в конечном счете экономическими отношениями и потому объективен, а следовательно познаваем. Цель же исторической науки — выяснение «закономерности развития человеческого общества». ¹ Однако поскольку ее познание чрезвычайно сложно из-за того, что «историк имеет дело главным образом с явлениями, которые он не может непосредственно наблюдать и которые относятся к прошлому», постольку он лишен «всякой возможности воспроизвести вновь, в порядке эксперимента, интересующие его факты». ² Для их установления с максимальной достоверностью необходимо строгое соблюдение определенной иерархии исследовательских процедур. Ее и разработала петербургская историческая школа.

Как же сочетались в мировоззрении Я. С., казалось бы, несовместимые принципы — философия марксизма и методология петербургской исторической школы? Ведь в советское время, особенно в 1920–1950-х гг., представители петербургской исторической школы подвергались гонениям.

Марксистско-ленинская историография, возникшая как школа М. Н. Покровского, и сталинская историография, пришедшая ей на смену, претендовали на абсолютную истину и, в отличие от петербургской исторической школы, признавали приоритет теории, социологических построений, доктрины.

Все дело, однако, в том, что Я. С. не являлся адептом ленинской и сталинской интерпретаций марксизма с их спекулятивной диалектикой, а придерживался марксистской теории в социал-демократической интерпретации, проявившейся в трудах Г. В. Плеханова, Э. Бернштейна и К. Каутского, которая квалифицировалась вождями коммунистической партии как проявление ревизионизма. Именно так понятый марксизм не противоречил по крайней мере источниковедческим принципам петербургской исторической школы.

---

¹ Лурье Я. С. О некоторых принципах критики источников. С. 100.

² Лурье Я. С. О гипотезах и догадках в источниковедении. С. 26.